

Алина Волку
Реквием по Эрику

Стихи, вдохновлённые Призраком Оперы

Алина Волку

**Реквием по Эрику.
Стихи, вдохновлённые
Призраком Оперы**

«Издательские решения»

Волку А.

Реквием по Эрику. Стихи, вдохновлённые Призраком Оперы
/ А. Волку — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831433-9

Сквозь тени ночи беспросветные
Трепещут блики вдохновения...
По вам, прекрасное творение,
Я робко исполняю Реквием.
Да что есть смерть? О, наваждение!
Что — жизнь? Лишь миг однообразия.
И что с того, что вы — фантазия?
Не иллюзорно — только пение.

ISBN 978-5-44-831433-9

© Волку А.
© Издательские решения

Содержание

От Автора	6
Requiem Aeternam	8
Ода театру Гранд-Опера	9
Изначальные планы П.О. по поводу Кристины Дае	10
Рассказ Бюке	12
Верёвка. Бюке повешенный	13
Сплетни о ПО в покоях Ла Сорелли	14
Кристина Дае. «Новая Маргарита»	16
Мэг Жири о Кристине Дае	17
Филипп о Рауле. «Ох, плут!»	18
Кристина и Рауль. После её обморока, в гримёрке	19
Рауль. За дверью гримёрки Кристины	20
Эрик. У фонтанчика	22
Проводы Дебьена и Полиньи. Явление П. О.	23
Дебьен и Полиньи – Ришару и Мушармену	24
Знакомство с новыми директорами	25
Письмо новым импресарио от П.О.	26
Скамеечка для ног, или первая встреча Мадам Жири (Жюль) с П.О.	28
Ажиотаж вокруг 5-й ложи	29
Рассказ мадам Жири	30
Ложа №5	32
Рауль. Воспоминания о детстве	33
Крошка Лотга	34
Кристина. Мысли об отце	35
Кладбище на Перросе. Экстаз Кристины	36
Рассказ Рауля о происшествии на кладбище	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Реквием по Эрику Стихи, вдохновлённые Призраком Оперы Алина Волку

© Алина Волку, 2016

© Ирина Волкова, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-1433-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От Автора

Говорят, жизнь даётся человеку только один раз. Но это неправда.
Все мы проживаем десятки, а то и сотни жизней.
Мы, читатели.

Меня давно восхищает и вдохновляет один из образов, созданных великолепным французским писателем Гастоном Леру – Эрик, Призрак Оперы, Ангел Музыки, Любитель Люков, Король Фокусников и Принц Душителей.

Эрик, Торжествующий Дон Жуан.

Эрик, один из основных персонажей романа «Призрак Оперы».

Впервые эта книга попала мне в руки, когда мне было 10 лет, и она перевернула мой мир. Я твёрдо решила стать певицей – так повлияло на меня описание божественного голоса Эрика, его уроков молодой певице Кристине Дае. Этот выдуманный писателем Гений окрылил меня, пробудил во мне желание прикоснуться к Вечному Искусству Пения. И... стал моим непостижимым Идеалом.

И вместе с тем, каждый раз перечитывая «Призрака Оперы» и обнаруживая всё новые и новые, ранее не замеченные мною, грани персонажей – я словно проживала вместе с Эриком его чудовищную жизнь, испытывала вместе с ним всю его боль – и, дочитав, содрогалась от гнетущего ощущения несправедливости.

«Призрак Оперы» сделал меня той, кем я являюсь, вдохновив на борьбу с судьбой и обстоятельствами, научил мыслить иначе и видеть красоту там, где многие её разглядеть не в состоянии.

Теперь же я решила отдать дань прекрасной Книге, её Автору, и, конечно же, Ему – Ангелу Музыки, Эрику.

Я написала цикл стихотворений, по роману Гастона Леру «Призрак Оперы» – «Реквием по Эрику».

«Реквием по Эрику» был создан в рекордные (даже для меня) сроки – 1-е стихотворение из 99 новых было написано 13 апреля 2016-го года, последнее – 4 августа того же года. Из старых своих стихотворений по «Призраку Оперы» я включаю в данный цикл только одно – «Молитву Эрика».

Итого – в «Реквиеме по Эрику» – 100 стихотворений.

Сюжет цикла полностью повторяет сюжет романа. Я, Леди Лин, выполняю роль наблюдателя, рассказчика, иногда обращающегося к тому или иному персонажу, или же к их автору.

Для работы над стихотворениями я воспользовалась переводом романа «Призрак Оперы» авторства Ю. Барсукова, так как считаю его самым достойным. Я старалась максимально придерживаться всех особенностей данного перевода. Отсюда и Мушармен вместо Моншармена, Жамме вместо Жам, «пенджабское лассо», «мешок жизни и смерти», и так далее.

Не поднялась рука музыканта, разве что, на Dies Irae, которое у Ю. Барсукова, почему-то, пишется как Dies Irae.

Ну, зато у этого переводчика обошлось без Ящерицы вместо Кузнечика и прочих неприятных неожиданностей – за что ему огромное спасибо.

Так как действие происходит в Париже, и сам дражайший П.О. – француз, я пришла к выводу, что ударение в его имени должно падать на последний слог – *Эрик*, а так как персидский титул мазендеранского знакомого Эрика правильно произносится как «Драг-Ага», то, соответственно он – *дарога*.

Было бы несправедливым не упомянуть тех моих читателей, без которых большинства стихотворений бы не было. Я писала по их заявкам, и они предлагал такие темы, до которых я сама просто не додумалась бы.

Прежде всего выражаю благодарность Ирине Волковой. Кроме некоторых тем для стихотворений, она является так же автором обложки данной книги.

Так же – за прекрасные предложенные темы – хочу сказать огромное спасибо следующим дамам:

Наталье Александровой, Соне Кононюк, Богдане Темчишиной, Ульяне Скибиной, Светлане Авраменко, Анне Кабановой, Татьяне Андреевой, Марине Королёвой, Ирине Остапенко, Дарье Удаче, Светлане Люта, Ангелине Волковой и Александре Водолажченко.

Спасибо, что помогли мне вновь погрузиться в мир восхитительного произведения Гастона Леру и за то, что теперь я могу передать эту эстафету уже непосредственно своим Читателям!

Ну что ж, приятного чтения!

*С уважением,
всегда Ваша,
Алина Волку (Леди Лин)*

Requiem Aeternam

Сквозь тени ночи беспросветные
Трепещут блики вдохновения...
По вам, прекрасное творение,
Я робко исполняю Реквием.

Ради чарующего вымысла —
Души безмерные рыдания,
Как будто я – воспоминания
Того, чьей смерти бы не вынесла.

Да что есть смерть? О, наваждение!
Что – жизнь? Лишь миг однообразия.
И что с того, что вы – фантазия?
Не иллюзорно – только пение.

Что боль и муки одиночества,
Когда мы слишком многим жертвуем?
О, в тех мирах, где все мы – смертные,
Имеет смысл только творчество!

А вы, прекрасное творение —
Моей души лучи рассветные...
По вам я исполняю Реквием —
Спасибо вам за вдохновение!

Ода театру Гранд-Опера

Обитель красоты, восторгов и оваций,
Сменившая и лик, и множество имён!
Ты – безупречный храм возвышенного танца,
Великих голосов проклятие и трон.

Ты – вечная тюрьма бывшего вдохновенья,
Звонящая печаль ушедших в глубь веков
Разрушенных надежд, божественного пенья
Предательских интриг, фальшиво-сладких слов.

И золото твоё, и тени статуй медных —
Всё дышит волшебством и вечностью самой.
И ревностно хранишь ты все свои легенды,
И призракам твоим не будет дан покой.

Уснувшие в веках, в гробницах мироздания,
Они воскреснут вновь под росчерком пера...
Так не пади и ты, оазис созиданья,
Обитель красоты! Живи, Гранд-Опера!

Изначальные планы П.О. по поводу Кристины Дае

Что за жизнь... Одно мучение!
Никого и ничего.
Но нашёл я развлечение —
Рай да слуха моего!

Что за голосок у девочки!
Школы – нет. Досадно. Жаль.
Ничего. Мои распевочки
Камень превратят в хрусталь!

Эта милая красавица
Робкой кажется, простой.
Как забавно удивляется,
Слыша голос за стеной!

Ей не страшно. Ведь неведомый
Ангел вёл беседу с ней.
Там, где омут неизведанный —
Фантазёрка видит фей.

Сердцу дарит обветшалому
Ощущенье чистоты...
Как же в жизни не хватало мне
Этой светлой красоты!

Всё в ней соткано из нежности,
А какой прелестный смех!
Что же, при её прилежности
Её ждёт большой успех!

Её вижу Маргаритою...
Перед ней падёт вся знать!
Будет под моей защитой
Расцветать и процветать.

Среди злобы, лжи и грубости
Не найти цветка ценней...
А быть может... Нет, то глупости —
Я не появлюсь пред ней!

Я не стану ей мучителем!
О, до самого конца
Не узрит она учителя,
Его мёртвого лица...

Одиноким буду гением,
Добрый духом за стеной...
Пусть ей дарит вдохновение
Благородный голос мой!..

Рассказ Бюке

Я видел его! Все вы знаете, право —
Я честен, я врать не привык!
Мой будет рассказ, господа, вам по нраву
О том, что узрел я в тот миг.

Он страшно худой, этот призрак во фраке,
Глаза смотрят прямо. Они
Видны, как мне кажется, только во мраке.
В них тускло мерцают огни

Кромешного ада... Их взгляд осторожен,
Лицо же... О, не позабыть!
Иссохшую, грубую, жёлтую кожу
С пергаментом можно сравнить,

На череп натянутым, лысый и гладкий,
С остатками тёмных волос.
И знаете что... на лице его гадком
Отсутствует полностью нос!

Сей вид произвёл на меня впечатленье
Ужасное. Но растеряться не смел.
Поверьте – почти я настиг привиденье!
Но, всё-таки, я не успел.

И всё же я знаю заветную стену,
В которой тот призрак исчез...
Хоть ужас, признаться, проник в мои вены,
Разжѐг он во мне интерес!

Что может таиться за этой стеною?
Его – привиденья – секрет!
Ну что ж. Я, Бюке, его тайну раскрою!
Друзья... Почему бы и нет?...

Верёвка. Бюке повешенный

По принуждению или приговору
Раз совершив смертельное пике,
Висел себе повешенный Бюке
Средь декораций к «Королю Лахору».

Не то чтоб он кому-нибудь мешал,
(Естественно, ведь он – немножко мёртвый)
Распухшего, похожего на чёрта,
Его зачем-то кто-то взял – и снял.

Небрежно повалив его на пол,
Да так, что и смотреть было неловко,
Воришка с его шеи снял верёвку,
Да резко так! Наверное – был зол.

И вот уже лежал он, распростёртый,
Гармонизируя легко с кромешной тьмой,
И был он всё такой же – не живой,
А безусловно сильно уже мёртвый.

Но вот теряюсь я в формулировках —
По поводу хищения, ага...
Ну, видимо, как память дорога
Была кому-то странная верёвка...

Сплетни о ПО в покоях Ла Сорелли

Перед ответственным вечером прима
Очень хотела побыть в тишине,
Только блаженный покой её мнимый
Возглас развеял малютки Жамме.

Что за напасть?... Только голосом тонким
(Правду ли, выдумку? Вот в чём вопрос!)
«Это был призрак!» – вскричала девчонка,
Сморщив от ужаса славный свой нос.

Ла Сорелли – всех их старше, смелее,
Сделала вид, что ей всё ни по чём.
Только вот крестик святого Андрея
В пальчиках тонких зажала тайком,

Выпрямив гордо роскошную шею,
Властным движеньем расчистила путь,
И в коридор заглянула, робея,
И прошептала: «Здесь есть кто-нибудь?».

Нервно вздохнув, не дождавшись ответа,
Прима закрыла уверенно дверь.
Девочек глупых из кордебалета
Взглядом окинула: «Ну, что теперь?».

– Мы его видели! Он где-то рядом!
– Страшный, аж жуть! Как его я боюсь!
– Призрак во фраке!
– С мерцающим взглядом!!
– Я одеваться одна не спущусь!!

Кто-то кричал, кто-то всхлипывал тайно,
В страхе трепал кто-то свой оберег...
И обронила, как будто случайно,
Темноволосая, тонкая Мэг:

– Глупости всё! Не хочу я обидеть
Здесь никого. Только правда одна —
Призрак никто не способен увидеть!
Но... говорить я о том не должна...

Тут же к ней стайка девчонок прильнула —
Знать все хотели о правде и лжи.
Слышалось только средь общего гула —
«Ну расскажи, расскажи, расскажи!!»

Ла Сорелли лишь тревожно вздыхала —
Больше не грезила о тишине...
Гордая прима совсем не желала
С призраком встретиться наедине.

Кристина Дает. «Новая Маргарита»

Лёгким трепетом грёз нежный голос дышал,
И порхал, словно райская птица.
И в блаженстве внимал очарованный зал
Этой маленькой фее-певице.

В её пеньи в тот миг так волшебным сплелись
Звуки музыки с мыслью поэта,
Что казалась, душа её просится ввысь
С вдохновенной душой Джульетты.

Это был светлый сон неземной чистоты,
Это было само вдохновенье!
Трепетали сердца от такой красоты —
От её совершенного пенья.

Когда вдруг, заменяя коллегу свою,
Она начала петь Маргариту,
Очутился весь зал словно в мирном Раю,
Где земная вся горечь – забыта.

И сквозил её голос такую тоской,
Он такой был тревожный и сладкий,
Что все женщины в зале теряли покой,
А мужчины – рыдали украдкой.

То звучал этот голос как ласковый стон,
То тревожно, то трелью игривой,
Но достиг совершенства небесного он
В триумфальном, чарующем трио.

То была Маргарита! Сама, во плоти!
Удалось ей так с музыкой слиться,
Что теперь никому, никому не уйти
От манящего зова певицы!...

Мэг Жири о Кристине Дае

Пусть я весьма неделикатна,
Но, всё же, не понятен мне
Успех, триумф невероятный
Такой певицы, как Дае.

Не знаю, право, в чём же дело,
И что там за учителя —
Но раньше ведь Кристина пела
Совсем как ржавая петля!

Ещё тому назад полгода
Едва лишь открывала рот,
Теперь ей не дают прохода—
Вот как божественно поёт!

Всегда была такой тихоней,
Никто не знал её саму...
И вот – блистает, как на троне!
Но как так вышло? Не пойму...

Вот ведь загадка непростая!...
Да что я всё о пустяке?
Пойду-ка лучше разузнаю,
Что там с повешенным Бюке!

Филипп о Рауле. «Ох, плут!»

Ох, Рауль! Наконец-то я пламя в глазах
Его вижу. Он, братец мой бедный,
Слишком скучно живёт. Да, в столь юных годах
Добродетельным быть даже вредно!

Пусть потешится. Слишком уж молод мой брат
Чтоб сидеть взаперти, как отшельник...
Вот, к певице собрался. Ну что же, я рад.
Но он знает дорогу, мошенник!

Как бежит, как он рвётся! Ох, маленький плут!
Удивляешь меня ты! Ну что же,
Коль обрёл фаворитку, и слухи не врут —
То с тобою мы в этом похожи.

Только будь с нею честен и не лицемерь!
Не жениться ж на ней... Ну, ты понял.
Эй, Рауль! Он же выставил всех нас за дверь!
Вот и верь этим скромным тихоням!

Взял – и выставил всех, да с лукавством змеи —
Чтоб с красавицей уединится!
Ну ты, братец, и плут! Узнаю де Шаньи
Ну, любуйся своею певицей!

Заслужил, заслужил, хитроумный наглец!
Развлекайся же с этой Кристиной!
Ох, Рауль!... Не пойти бы мне, наконец,
Пообщаться с моей балериной?..

Кристина и Рауль. После её обморока, в гримёрке

В гримёрке так душно! И воздуха мало,
В ушах – неприятнейший звон...
Певица, очнувшись, вздохнула устало,
Ответом ей чей-то был стон.

Легонько она повернула головку
И вздрогнула, будто во сне,
И тихо промолвила: «Мне так неловко,
Но я вас не знаю, мсье!»

Виконт весь зарделся: «Ну как же, Кристина?
Я, связанный с вами судьбой,
За шарфиком вашим нырнувший в пучину
Мальчишка, ваш милый герой!

Хотел бы я рядом быть с вами, как прежде,
Как в детстве – вы помните, нет?»
И он целовал её руку в надежде,
Она – рассмеялась в ответ.

Её возмущённым он взглядом окинул,
И вспыхнул: «Не верите мне?!
Напрасно, мне есть что сказать вам, Кристина!
Но вам только – наедине,

А не при служанке и докторе...“ – „Может,
Сначала поправлюсь я, нет?
Нет, я не больна, но устала я всё же» —
Она прошептала в ответ.

Звучал её голос, до боли холодный:
«О, дайте побыть в тишине!
Уйдите вы все! Если вы благородны —
И вы уходите, мсье!

Ушёл он, в печаль своих дум погружённый,
И сердце болело в груди...
Прочёл он в глазах её синих, бездонных
Чужое: «Рауль, уходи!»...

Рауль. За дверью гримёрки Кристины

Как она пела! Без сомнения,
Я слышал ангела теперь,
Но не имел – увы! – терпения,
И был я выставлен за дверь.

Хотел уйти, печалью сломленный,
Не признанный, забытый друг.
Но голос, нежности исполненный
– Мужской, мужской!!! – услышал вдруг.

Ах, моё сердце! Боль ужасная!
Любовь ли это?... Как же быть??
Я слышал требованье страстное:
«О, вы должны меня любить!»

Любить?! Кого? Кто там, за ширмою?
Кто сей чудак, соперник мой?
Я слушал их беседу мирную,
Забыв и счастье, и покой.

Она, сквозь слёзы: «Как вы можете?
Я лишь для вас, для вас пою!
Зачем же вы меня тревожите?!
И, мягко – он: «Благодарю!

Ах, вы устали? Тяжко дышите...»
«О, как кружится голова!
Я отдала вам душу, слышите?
И я мертва, мертва, мертва!»

О, горе мне! Она – бесчестная!
Она – там, с ним, наедине!
Зачем обманщица прелестная
Как божество явилась мне?

Врага звучала речь надменная:
(Ах, то мой личный был кошмар!)
«Душа прекрасна, несравненная!
Я принимаю этот дар!»

Не слушал дальше... О, страдания!...
Сковала сердце мне печаль...
Застыл я в мрачном ожидании...
Вот – вышла... Тёмная вуаль

Её лицо скрывала нежное...
Она одна... А он-то – где?
И мысли тёмные, мятежные
Вели, вели меня к беде!

Она ушла. Скорей, в гримёрную!
Сейчас настигну я его,
Раскрою душу эту чёрную!
Но – тишина. И – никого...

Эрик. У фонтанчика

Все чувства во мне как-то странно изменчивы —
То ужас, смятение, то счастье безбрежное...
А рядом совсем – драгоценная женщина,
В руках моих – тёплая, лёгкая, нежная.

Вся жизнь – позади, только что в ней хорошего,
Когда от неё я хочу невозможного?
Но руки дрожат под небесною ношею,
Холодные руки безумца ничтожного.

Что дать ей смогу, кроме мёртвого холода,
Дыханья могилы да райского пения?
Как чуждо мне всё, что прекрасно и молодо!
Но в ней возродилось моё вдохновение!

Но нет, то был Ангел. Не Призрак под маскою
Поймёт?... Иль – как мать – проклянёт меня в ужасе?
Я был для неё лишь бесплотною сказкою —
И как объяснить, что невинен мой умысел?

Смотрю на неё – и тревогою сладкою
Мне сердце пронзает истома неясная.
Любовь для меня остаётся загадкою,
Но вот, предо мною – такая прекрасная,

Такая волшебная, дивная женщина...
И так хорошо, так отрадно мечтается,
В душе моей всё так свободно, изменчиво...
О, веки трепещут... Она – просыпается!...

Проводы Дебьена и Полиньи. Явление П. О.

Почётных гостей в тот особенный вечер
Был полон торжественный зал.
Звучали прощальные длинные речи —
Ведь театр тогда провожал

Своих импресарио, вдруг уступивших
Другим своё место. В их честь
И был этот вечер, отраду суливший,
И мягкую, сладкую лесть.

Но что-то нарушило мерность течения
Минут торжества. За столом
Спокойно сидел человек-привиденье
С печальным и страшным лицом.

Нет, вёл он себя совершенно прилично,
Но только не ел и не пил.
Но только вот облик его необычный
Гостей напугал и смутил.

Но, сквозь отвращенье — ему улыбались,
Умело скрывая испуг.
И шуткою злою задеть не решались —
Ну мало ли чей это друг!

Но стало для вечера горькой приправой,
Кошмаром в уютном мирке,
То, что произнёс он: «Танцовщицы правы.
Возможно, что гибель Бюке

Была не такой уж естественной..» Тут же
Погасли улыбки, и страх
Пронзивший сидящих безмерно стужей,
У всех отразился в глазах.

Вмиг праздник утратил своё настроенье —
Ведь, право, случилась беда!!
Лукаво глядел человек-привиденье....
А вечер испорчен был, да.

Дебьен и Полиньи – Ришару и Мушармену

Господа! Мы должны вам открыть одну тайну,
Перед тем, как займёте вы прежний наш пост.
Это важно, поверьте – при чём чрезвычайно.
Незавиден ваш жребий и вовсе не прост.

Все смените замки на покрепче затворы,
Если что-то желаете спрятать... Увы,
Здесь есть нечто гораздо страшнее, чем воров.
Это – призрак. Мертвец – но страшней всех живых.

Ах, быть может, что с ним мы сейчас повстречались
Там, на ужине... Боже, он был среди нас!...
О, не смейтесь! Мы тоже когда-то смеялись,
Только нам уж совсем не до смеха сейчас.

Мы б молчали о призраке – будем правдивы,
Он нам сам повелел обо всём рассказать...
Господа, вы с ним будьте предельно учтивы,
Или вам – без сомнения – несдобровать!

Он – хранитель, гроза, тайна этого зданья,
Он не сможет покинуть его никогда...
Здесь, в инструкциях, есть и его предписанья.
Соблюдайте их. Правда. Иначе – беда.

Мы прощаемся с вами теперь. Но учтите —
Обо всём, господа, вы предупреждены.
Да не смейтесь же! Вы ведь его разозлите!
И в том нашей, поверьте, не будет вины!

Знакомство с новыми директорами

Арман Мушармен слыл разумным не даром —
Он много трудился – и преуспевал.
Чего только стоят его мемуары!
О чём только в них он не понаписал!

Когда-то Арман репортёром работал.
Каким магнетизмом он был наделён!
Не знал ни одной, к сожалению, ноты,
Зато был с министром культуры знаком.

Владея – немалым, при чём – состояньем,
Он просто, шутя все проблемы решал!
Ну что ж, конкурировать с ним в обаяньи
Мог только почтенный коллега – Ришар.

Фирмен (таково было имя Ришара),
И сам был собою слегка восхищён.
Ещё бы! Ведь он композиторским даром
Природой ли, Богом ли – был награждён!

Он к прочим творцам относился душевно —
Любил и Гуно, и по Верди страдал,
И Вагнера даже считал совершенным,
Хотя и не очень его понимал.

Считал он при том, что любой композитор
Его тоже должен был страстно любить.
Ах, как восхищал он улыбкой открытой!
Но знали – его лучше было не злить.

Был вспыльчив Ришар. Но зато вдохновенным!
Ведь с театром управиться – шутка ль, игра?
Ну что ж, получились из них с Мушарменом
Такие достойные директора!

Письмо новым импресарио от П.О.

«О, Господа мои!
Прошу прощенья,
Что смею отвлекать вас в тот момент,
Когда вы с потрясающим стремленьем,
В котором вам никто не конкурент,

Вершите судьбы театра и артистов!
И даже я, признаться, поражён,
Насколько вы всё делаете чисто,
Со знанием дела, публики, имён!

Как много сделали вы, право, для Карлотты,
Для маленькой Жамме, Ла Сорелли!
Какие подарили им высоты!
Да только все таланты отмели.

Карлотта, эта мартовская кошка...
Не покидать бы ей вообще кафе Жакен
Вы в ней ошиблись, господа, немножко...
Ла Сорелли – красивый манекен,

Успех – за счёт лишь тела. Да, прекрасно
Но – где душа? Увы. Ну а Жамме —
Та как телёнок в башмачках атласных.
По сцене скачет – будто по траве.

А вот Дае... С какой же вы заботой
Лишив чуть ли не всех больших ролей,
Ревниво её гений бережёте!
Согласен – в театре нет её ценней.

Что ж, Зибеля исполнит пусть певица,
Раз Маргарита ей пока запрещена...
Да, к стати. Вы могли б подсуетиться,
Чтоб ложа мне была возвращена?

Признаться, я немало был расстроен,
Что продан на неё абонемент...
И, чтобы я оставил вас в покое,
Советую уладить сей момент.

Я недоволен вашей выходкой, но всё же
Так не люблю скандалов я и сцен...
Но начинать знакомство с кражи ложи —
Вы знаете, не вежливо совсем.

Надеюсь, это недоразуменье
Тот час же будет вами решено.
Иначе – ждите гнева привиденья.
Удачи. С уваженьем,
Ваш П. О.

Скамеечка для ног, или первая встреча Мадам Жири (Жюль) с П.О.

– О, мадам Жюль! Вы здесь? Чудесно! Я
Вас напугал? Ах, как я мог!
Не принесёте ли, любезная
Вы мне скамеечку для ног?

– Ой... я..
– И как вам представление?
Не правда ль – сказочный досуг?
– Мсье, но кто вы?
– Привидение. Но вы не бойтесь – я вам друг.

– Ой. Где же вы?
– Везде. Вот, слышите —
Я здесь, смотрю на вас в упор,
И слышу, как вы нервно дышите.
– О, я сейчас как помидор,

Мсье... Но вы откуда знаете,
Что – Жюль?... Ведь мой усопший муж...
– А я всё знаю, представляете?
Любую блажь, любую чушь.

Я знаю всё, что восхитительно,
И всё, в чём ложь, сплошная гнусь...
– О, голос ваш такой пленительный,
Что я вас больше не боюсь!

– Ну что ж. Я рад, моя прелестная.
Но всё же – подведём итог:
Не принесёте ли, любезная,
Вы мне скамеечку для ног?

Ажиотаж вокруг 5-й ложи

На Ришара с коллегой на новом посту
Вмиг обрушилось столько проблем!
Письма, призрак, Бюке... Всё как будто в бреду,
Все с ума посходили совсем!

На столе Мушармен обнаружил отчёт —
Да и в нём был неслыханный вздор,
Словно автором был этих строк идиот,
Или с ними шутил контролёр.

Он так, значит, писал: «Господа! Рассказать,
Постараюсь как можно точнее:
Я сегодня из ложи под номером пять
Дважды вывел престранных гостей!

Хохотали, смеялись, кричали они,
Возмущался рассерженный зал.
Я их вывел. Когда они снова вошли,
«Ложка занята, кто-то сказал...»

Что за глупые шутки? Неслыханный бред!
Тут же вызван «на суд» контролёр,
Только робок его был, бессвязен ответ.
Толи глуп он был – то ли хитёр...

И пришлось вызывать билетёршу.
Мадам Начала свой подробный рассказ:
«О, мои господа! Неизвестно ли вам?
Призрак Оперы здесь, среди нас!»

Им отрыла она мир интриг и измен,
Тайны театра и призрачных чар.
Так давно не смеялся мсье Мушармен,
Но был страшно разгневан Ришар.

Он смотрел на мадам, что в своей простоте
Им решила припудрить мозги.
Понимал он, что сзади, на старой тафте,
Будет след его правой ноги.

Рассказ мадам Жири

Призрак – не выдумка! с ним говорила
Так же, как с вами сейчас, господа.
Я вам скажу – он достаточно милый,
Просто не злите его никогда!

Помню – впервые его услышала
В ложе простой, что под номером пять.
Так испугалась я! Красная стала,
Как помидор, Бог не даст мне соврать!

Хоть и никто не был мной обнаружен,
Слышу, едва лишь вступив за порог:
«О, мадам Жюль (то фамилия мужа)!
Не принесёте ль скамейку для ног?»

Голос красивый, такой деликатный,
Словно то ангел явился во сне!...
Страшно мне было, но всё же приятно —
Вежливо он обратился ко мне!

Он мне сказал, что бояться не надо,
Мне он, мол, Оперы Призрак – не враг.
Что ж, услужить я ему была рада —
Очень уж вежлив был Призрак. Вот так.

Ох, он не любит, когда его в суете
Я вспоминаю, но всё ж об одном
Так, господа, вам поведать хочу я!
Ну не могу промолчать я о том,

Что не один он является в ложу —
С дамой своею! Я вот что скажу:
То он скамейку попросит для ножек
Дамских, то розу я вдруг нахожу,

То она веер обронит случайно,
Но не слыхала её никогда...
А ещё – щедр он необычайно,
Призрак, и добр, мои господа!

Он оставляет мне вознагражденье —
Деньги, коробку любимых конфет...
Но не тревожьте, мсьё, привиденье —
Будет несчастье. Вот мой вам ответ.

Верите ль в потусторонние силы,
Нет ли – но в будущем ждёт вас беда.
Призрак – не выдумка! С ним говорила
Так же, как с вами сейчас, господа!

Ложа №5

Всё здесь может казаться обычным,
Без особенностей и примет.
Бархат, красный как кровь – столь привычный
Для придирчивых зрителей цвет.

Не вульгарней ничуть и не строже,
Чем другие. Ну что тут сказать —
С виду мирная, тихая ложа,
Просто ложа под номером пять.

Только вот что скажу я – войдите
Вы без гида в неё. И рукой
По колонне большой постучите.
Той, что слева сей ложи простой.

Вы тот час же услышите призвук,
Словно полость внутри, пустота...
Обитал одинокий в ней призрак,
И манила его красота —

Он внимал белокурой певице,
Он, играючи, судьбы крушил...
Было ль истиной то, небылицей —
Но как он – так никто не любил!

От того – и мурашки по коже,
И едва ль я осмелюсь ступить
По ковру этой маленькой ложи,
Просто ложи под номером пять!

Рауль. Воспоминания о детстве

Мальчишкой я очень любил приключения.
Ах, детство! Счастливых иллюзий пора!
То время историй, и счастья, и пения,
Что мне не забыть, пока память остра.

Я так был пленён удивительным голосом,
Девчонки, чей робок, невинен был взор,
Чьи вились колечками светлые волосы,
Что видел в ней ангела я, фантазёр!

Случилось, что шарф обронила прелестная
В пучину морскую. Я сразу – за ним!
Моя гувернантка – ох, злючая бестия,
Чей скучный надзор мне был невыносим,

Мне что-то кричала. Ругалась, наверное.
Её я не слушал. Я быстро подплыл.
И, чувствуя радость и гордость безмерную,
Промокший, дрожа – фее шарфик вручил.

О, что мне укор гувернантки? Простудные
И хрипы, и кашель – мне всё ни по чём!
С тех пор милый ангел – та девочка чудная,
Была со мной рядом, и ночью, и днём!

Я помню рассказы отца её странные,
Об Ангеле Музыки, и домовых..
И пение скрипки, её постоянную,
Тревожную повесть о судьбах других.

Поведал он нам старины вдохновение:
То маленькой Лотты мы слышали зов,
То Лазарь в мучительным миг воскрешения
Стал гостем ночным наших красочных снов.

А девочка – пела. И тихая, сладкая,
Порой по щеке вдруг скользила слеза.
И я всё смотрел – осторожно, украдкой
В её голубые озёра-глаза.

Она отвечала улыбкой застенчивой...
О, что это было? Любовь ли? Игра?
Ах, женский характер – такой переменчивый!...
Ах, детство! Счастливых иллюзий пора!...

Крошка Лотта

Как обычно малышке Лотте
Снятся самые дивные сны —
То снежинки в беззвучном полёте,
То дыхание тёплой весны,

Или призвуки яркого лета,
Или осени мир золотой...
Каждый сон её соткан из света,
И царит в нём безмерный покой.

Крошка Лотта во сне – летает,
Только тень облаков – вокруг,
Ведь всегда её сон охраняет
Ангел Музыки – вечный друг.

Как всегда он поёт ей песни,
Её добрый хранитель грёз.
В нём – источник святой, небесной
Чистой музыки, сладких слёз.

Ей так нравится слушать пенье,
И сама поднебесная гладь
Дарит Лотте своё вдохновенье,
Учит Лотту на скрипке играть.

И так сладко становится крошке —
Не до кукол, не до башмачков.
Ведь земли не касаются ножки,
И парит она средь облаков,

И звучит её скрипка в полёте,
В вихре звуков, в объятьях мечты...
Как обычно малышке Лотте
Снятся сны неземной красоты.

Кристина. Мысли об отце

Живший, полагаясь на Создателя,
От своей судьбы бежавший прочь,
Жил-был человек с душой мечтателя.
Он любил лишь музыку и дочь.

Всё, чем он владел – лохмотья чёрные.
Не был он успешен и богат,
Но в руках волшебника, покорная,
Оживала скрипка, говорят.

И как из священного источника,
Лился голос в солнечных лучах —
Пела его маленькая доченька,
Словно нежный ангел в небесах.

И взмывали звуки вереницею,
Сладостной гармонией дыша,
Будто бы у скрипочки с певицею
На двоих одна была душа.

Как был тот дуэт очарователен!..
Годы шли – того не превозмочь...
Где же человек с душой мечтателя,
Что любил лишь музыку и дочь?

Он ушёл, но молвил на прощание,
Дочери, что Ангел будет с ней..
Сбудется ли это обещание?
Если суждено – то поскорей...

Кладбище на Перросе. Экстаз Кристины

В мрачном царстве покоя и тления
В эту ночь всё дышало, жило.
Тишина... Как остры ощущения!
Слишком холодно, слишком светло,

И могила, где он, мой единственный,
Мой отец, друг, которого нет —
Излучала какой-то таинственный,
Слишком мягкий и трепетный свет.

И, упав на колени, тревожная,
Я читала молитву, как вдруг
Прикоснулась к душе осторожная
Тема скрипки... Пленительный звук,

Наполняя безмерной истомою,
Усыпляя мой ум, воспарил,
И мелодия, с детства знакомая,
Возносилась над сомном могил.

Я внимала, безумная, жадная —
Сердце музыке подчинено...
О, я знала – всё ложь беспощадная!
Но в тот миг было мне всё равно.

Скрипка пела – так горько, так сладостно,
Словно Лазарь, познавший покой,
Вдруг с безмерною болью, но радостно
Голос Бога воспринял живой!

Скрипка пела – темно и отчаянно,
Словно сердца касаясь смычком,
Словно горестный дух неприкаянный
Затаился в беззвучье ночном.

И металась душа моя бедная,
В этой музыке, в этом огне...
Скрипка пела. А я свои бледные
Руки робко простёрла к луне,

Синий свет заключая с объятия,
Погрузившись в обман с головой,
Я внимала любви и проклятиям,
Я парила над грешной Землёй!

Голос скрипки – крик боли, рыдание,
Сердце музыке подчинено...
Подарю только смерть и страдание
За блаженство. Но мне – всё равно...

Рассказ Рауля о происшествии на кладбище

Господа! Каждый, кто меня ранее знал
Хоть немного совсем, хоть чуть-чуть,
Тот трусливым меня б никогда не назвал
Да и нынче – кто смеет дерзнуть?

То, что видел тогда я на кладбище —
Ад, Смерть сама, Сатана во плоти!
О, поверьте, мсьё – я и сам был не рад,
Когда встал у него на пути.

Да, признаюсь. Я вёл себя глупо, следив
За певицей Кристиной Дае!..
О, как странно был снег освещён! Как красив
Был тот старый погост в полутьме!

Как светила луна! Я тогда в первый раз
Был на кладбище ночью... Она
Прошла мимо, вся в облаке мыслей и фраз —
Шла, молитвою поглощена.

И склонилась она у могилы отца,
И в тот миг показалось мне вдруг —
Из холодной могилы Дае-мертвеца
Слышен скрипки чарующий звук.

О, я знал эту музыку! О, как сейчас —
Лазарь, Лазарь восставший.. И мне
Показалось, что, вроде как, впала в экстаз,
Трепетала Кристина Дае.

Подняла свои руки наверх, к небесам,
И казалась едва ль не святой,
В упоеньи внимала она голосам,
Что слышны были ей лишь одной.

А потом... О мой бог... Сам не знаю, зачем —
Я разглядывал кучу костей.
Ухмылялся мне череп, уродлив и нем,
Безобразной улыбкой своей.

Миг один – и скатился к моим он ногам,
Словно злобно со мною шутил...
Смолкла скрипка. Лишь тени снуют – тут и там,
За одной из них я поспешил.

Она – в церковь, решив от меня ускользнуть,
Я – за нею. Да как бы не так...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.